

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ СОВЕТСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ
НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ 1941–1943 гг.: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА**

Липецкая область в современных границах была образована 6 января 1954 г. На эту территорию, частично входившую в годы войны в состав других субъектов СССР (Орловскую, Воронежскую, Курскую области), гитлеровские войска вторгались дважды. В конце ноября – середине декабря 1941 г (тогда шли боевые действия за Москву) и в период с 28 июня 1942 г. до конца января 1943 г, во время реализации немецкого наступательного плана «Блау».

Некоторые районы подвергались частичной или полной оккупации со стороны вермахта. Гнет оккупации вкупе с проведением политики геноцида граждан отчасти способствовало возникновению коллаборационалистических настроений и совершению преступлений против советской власти среди местного населения.

Необходимость освещать данную тему на сегодняшний день очевидна. Во-первых, замалчивание преступных фактов не способствует очищению от них и может приводить к негативным последствиям через десятилетия. Во-

вторых, с точки зрения исторической объективности необходимо говорить о полярных сторонах событий, охват положительных и отрицательных примеров особенно важен в вопросах патриотического воспитания подрастающего поколения.

Проблема коллаборационизма стала темой научного осмысления в поздние советские годы. Ранее она хотя и не была табуирована и встречалась в художественных произведениях, например, в фильме «Вечный зов» (1973–1983), повести В. Быкова «Знак беды» (1982), но не поощрялась.

И поскольку лиц, уличенных в помощи противнику, было немало, они преследовались по закону, о фактах военных преступлений было не принято упоминать в советском интернациональном обществе [1, с. 231–233]. В настоящее время число исследований по теме существенно расширилось. В частности, появились работы Д. А. Жукова и И. И. Ковтуна. Особенно выделим сборник материалов по истории отечественного коллаборационизма «Пособники», изданный в 2020 г. Ф. Л. Сеницыным, осуществившим историко-правовой анализ термина «коллаборационизм». Также отметим работы С. А. Митрофанова, который опубликовал архивные материалы прокуратуры Тульской области по делам о госпреступлениях (для нас в этой статье интерес представляет информация о жителях Липецкой области) и публикации О. В. Романько, Е. И. Журавлева, появившиеся в 2016 г. и 2009 г.

Источниками исследования являются фонды Государственного архива новейшей истории Липецкой области (ГАНИ ЛО), представленные материалами спецсообщений и секретной переписки между партийным руководством оккупированных районов с подразделениями НКВД и НКГБ СССР в 1941–1944 гг., представленные в работе «В огне и стуже оккупации: Липецкая область в годы Великой Отечественной войны» 2015 г. (авторы – работники универсальной научной библиотеки Липецкой области).

Условно правонарушения мы разделим на две группы: пособничество и коллаборационизм. Под термином «коллаборационизм» мы будем использовать вариант, предложенный Ф. Л. Сеницыным: «Коллаборационизм – умышленное деяние гражданина (подданного), направленное на причинение ущерба своему государству путем оказания помощи другому государству, которое находится с первым в состоянии войны или вооруженного конфликта» [2, с. 40–41]. Выделим и другие виды преступлений, которые не подпадают под определение коллаборационизма, но со стороны общества и органов внутренних дел квалифицировались как пособничество и сотрудничество с врагом, а в отдельных случаях совершались и без прямого участия немецко-фашистских войск. Они были обусловлены специфическим обстоятельством – военным временем. Их расследованием, как и прочих уголовных преступлений, занимались сотрудники советских правоохранительных органов.

Важным маркером, показывающим благонадежность гражданина, являлось его поведение и действия в годы Великой Отечественной войны, особенно на территориях, временно захваченных немецкими войсками. Эти обстоятельства напрямую сказывались в будущем на социальном статусе

и оказывали влияние на все сферы жизни человека, в частности, при оформлении на работу, особенно в случае трудоустройства в государственные или партийные органы.

Подтверждением этому являются многочисленные примеры, когда граждане, проявившие себя на фронтах войны, в партизанской борьбе или на службе в тылу, продвигались по карьерной лестнице или получали вакантную должность. Причем, иногда от человека не требовалось совершения выдающихся поступков, достаточно было не проявлять лояльности и не контактировать с оккупационными властями. В качестве примера можно рассмотреть два документа. Первый – запрос от начальника Долгоруковского райотдела НКВД младшего лейтенанта Тимашова от 23 августа 1942 г. к секретарю Долгоруковского РК ВКП(б) Новикову по поводу предоставления сведений на гражданку А. В. Шевченко, которую предполагали допустить к работе с секретными документами [3, л. 26]. Второй – положительная характеристика от секретаря районной ячейки партии, из которой следует, что Шевченко в июле 1941 г. эвакуировалась из Белоруссии на территорию Орловской области и с мая 1942 г. работала машинисткой в райкоме. Начальство отзывалось о данной гражданке положительно, указывая на дисциплинированность и ответственность. Помимо этого, она во время оккупации Долгоруковского района не оказывала помощи немцам и не скрывалась от них, чем заслужила доверие местного партийного руководства и была допущена к работе с особо секретными материалами [3, л. 27].

Однако встречается информация о случаях неблагонадежного поведения. Рассмотрим докладную записку секретарю Долгоруковского райкома партии Новикову о фактах антисоветских проявлений отдельными лицами, публично заявлявшими о своих претензиях и недовольстве. Это нежелание эвакуироваться в тыловые регионы или принимать эвакуированных из западных областей граждан у себя в домах, жалобы на тяжелое продовольственное положение. Отдельные граждане надеялись на улучшение жизни с установлением гитлеровского оккупационного режима, некоторые, побывавшие ранее на захваченной противником территории, утверждали, что при немцах жилось не хуже, чем сейчас (Долгоруковский район находился в оккупации с 30 ноября по 10 декабря 1941 г.) [4, с. 16].

Обсуждались темы, связанные с военными событиями и состоянием Красной Армии, на что повлияли поражения советских войск летом 1942 г. Так, житель Е. Д. Л-в заявил: «Напрасно вы воюете, зря головы свои кладете, все равно немец победит». В этой фразе содержится неприкрытая вражда к советской власти от пострадавшего накануне войны лица (гражданин в 1940 г. был судим за контрреволюционную агитацию, но год спустя вернулся на прежнее место проживания) [3, л. 52–52об].

Должностные преступления совершали сотрудники и руководители государственных организаций, используя служебные полномочия в личных целях. Из специального сообщения райотдела НКВД секретарю Тербунского РК ВКП(б) от 20 декабря 1941 г. следует, что с приближением линии фронта

к району (находился в оккупации с 2 по 8 декабря 1941 г. и со 2 июля 1942 г. по 27 января 1943 г.) [4, с. 71], особенно после авианалета 13 октября 1941 г., система потребительской кооперации стала работать плохо. Начались хищения и перепродажа товаров, уничтожение учетной информации под прикрытием приближения противника. Кроме того, местными жителями были разобраны и сожжены несколько строений – конюшни, пункты торговли и хозяйственные постройки. В результате этого торговая деятельность в районе была практически парализована, несмотря на то, что противник не смог его полностью оккупировать [5, л. 1–2].

Часто противоправные деяния совершались в отношении эвакуированных граждан. В Долгоруковском районе летом 1942 г. отмечены случаи, когда назначенное ответственным за руководство и размещение переселенцев лицо не обеспечило людям должных условий. Председатель колхоза «Артель красная» Большеплатовского сельсовета И. Т. К-н не организовал поставок корма для скота своих односельчан, переселявшихся в Вязовицкий сельсовет, в результате чего они были вынуждены проникать на запретные прифронтовые территории в поисках корма для животных. Также К-н использовал колхозных лошадей, предназначенных для переселенцев, в личных нуждах, а у семей красноармейцев, воюющих на фронте и не облагавшихся мясopоставками, насильственно изымал овец и телят и сдавал их, вероятно, в счет собственных поставок [6, л. 1–2].

Председатель колхоза имени Ленина Т-в также самовольно распоряжался лошадьми и не доставлял фураж и топливо эвакуированным. При этом сотрудники Долгоруковского районного отдела НКВД, младший лейтенант Архипов и лейтенант Павлов, проводившие расследование, отмечали, что «...председатель Большеплатовского сельсовета Б-ва попустительски относилась к подобным эпизодам и не интересовалась судьбой отселенных граждан, их нуждами и бытовыми проблемами» [6, л. 2].

Отметим, что такие примеры хотя и были распространены, но не доминировали в советском обществе. В архивах Липецкой области хранятся многочисленные материалы, которые свидетельствуют о честной работе руководства по восстановлению народного хозяйства сразу после освобождения того или иного района, предпринятых ими мероприятиях по выпуску различной продукции для нужд фронта и тыла. Преодоление тяжелых последствий оккупации во многом стало возможным благодаря самоотверженному труду городских и сельских жителей.

Под пристальным вниманием органов НКВД находилось поведение коммунистов во время войны и оккупации. В 1941 г. в стране насчитывалось 3,9 млн членов партии, доля женщин составляла всего 15 % (примерно 585000 человек) [7]. Роль коммунистов на селе была очень высока. Тот факт, что например, утрата или порча партийного билета являлась действием, порочащим звание коммуниста и расценивалась как прямое предательство, говорит о жестких морально-поведенческих стандартах, применяемых к членам партии. Так, в октябре 1943 г. из управления НКГБ по Орловской

обл. было отправлено сообщение секретарю Долгоруковского райкома о проверке гражданки З. В. П-й, которая перед приходом немецких войск уничтожила свой партбилет. Вдобавок она укрывала своего мужа, дезертировавшего из армии [6, л. 47]. Соккрытие от оккупантов своей политической биографии было нередким явлением. В других областях также есть примеры, отраженные в архивных документах.

При проверке коммунистов, находившихся в оккупации в Ставропольском крае в декабре 1943 г., выяснилось, что 2917 членов партии избавились от партбилетов, а отдельные граждане поступили на службу к противнику [8, с. 68–69]. Одновременно встречаются в значительном объеме и другие эпизоды, когда члены партии дорожили своим званием и сохраняли свои документы, даже находясь в плену. Например, танкист И. Шапорев сумел сохранить свой партбилет, пробыв почти два года в плену [9].

Другие примеры преступного поведения коммунистов отражены в докладе секретаря Елецкого горкома ВКП (б) Дударева начальнику городского отдела НКВД Карпову 20 мая 1942 г. Секретарь просит проверить информацию по двум служащим отделения Госбанка – Н. И. Н-ву и С. Н. Г-ву, которые были рекомендованы к зачислению в партизанский отряд. Выяснилось, что гражданина Н-ва горком отправил на обучение в спецшколу г. Задонска, но поехать туда он отказался, как и быть бойцом истребительного отряда. Также он не эвакуировался из г. Елец в декабре 1941 г., когда боевые действия подходили к городу. Г-в после принятия присяги и зачисления в партизанский отряд дезертировал и также остался в Ельце. 5 декабря 1941 г. оба гражданина покинули захваченный немцами Елец и были замечены в тылу противника [10, л. 15].

В это же время члены партизанских и истребительных отрядов мужественно сражались с противником в оккупированных в 1941 г. районах. Доказательством этому являются десятки фактов подвигов наших земляков, которые позже были награждены орденами и медалями за партизанскую и подпольную борьбу.[11, с. 131–137]. Выделим гражданку Е. П. Кириллову, которая будучи комсомолкой, добровольно вступила в партизанский отряд. Отличилась в боях за г. Елец в декабре 1941 г., уничтожив из своего пулемета 70 гитлеровцев, получила ранение. Далее продолжила воевать в частях РККА, была награждена орденами Красной звезды и Отечественной войны 1 степени [12].

Известны случаи халатности при выполнении тех или иных распоряжений партийного руководства. В сообщении майора Ингачева от 3 мая 1943 г. указывалось, что 1-й секретарь Долгоруковского райкома партии не выполнил решения Орловского обкома и облисполкома о мобилизации населения на выполнение оборонного строительства. От района на работы предполагалось отправить 600 человек, но этого сделано не было. Собрать удалось лишь две группы рабочих, численностью 66 и 27 человек соответственно, из

которых вторая группа отработала один день, а первая и вовсе разошлась по домам, не отработав и дня. Все это явилось следствием плохой организации трудовых коллективов и отсутствием прямого контроля над исполнением распоряжения [6, л. 26].

После освобождения территории и продвижения линии фронта на запад, у граждан, бывших в партизанских частях, нередко на руках оставалось оружие, которое они отказывались сдавать. Представители некоторых райкомов партии не оказывали содействия правоохранительным органам при решении данной проблемы. В сообщении начальника Орловского управления НКВД отражены факты и свидетельства того, что лица, имеющие стрелковое оружие и бесконтрольно распоряжающиеся им, нередко представляют опасность. Отмечены эпизоды стрельбы в населенных пунктах в состоянии алкогольного опьянения, в том числе и со смертельным исходом как случайных граждан, так и самих стрелков, а также грабежей и разбоев [6, л. 73–74].

В других регионах известны случаи и более тяжких преступлений. Некоторые председатели колхозов совместно с оккупантами или самостоятельно участвовали в поджогах сел, изъятии у граждан имущества и выдаче немцам представителей партийного актива [13, с. 60].

Перейдем к рассмотрению преступлений, совершенных советскими гражданами совместно с представителями нацистской Германии. На территории районов не обнаружены факты пребывания иных военных организаций, кроме вермахта. Именно под его руководством формировались оккупационные администрации. В организованных сельских комендатурах проходили вербовка и набор граждан на службу в основном в эти учреждения [13, с. 38].

Отметим, что проявление «сотрудничества» с противником часто происходило по принуждению. Описаны случаи, когда мирные жители выполняли приказы и поручения оккупантов в основном хозяйственного назначения, чтобы сохранить себе жизнь, при этом не имея преступного умысла помогать им. В сообщении партизан в Ленинградской области 9 ноября 1942 г. отмечалось, что немцы проводили принудительные мобилизации в оккупационные структуры, используя шантаж, обман и террор [13, с. 40]. В такой ситуации невольной пособницей врага оказалась жительница с. Ожога Елена С-ва, в доме которой немцы организовали комендатуру. Там же заставили работать и саму хозяйку – вести различную документацию. После освобождения села она, по доносу своих односельчан обвинялась в пособничестве врагу, была осуждена на 8 лет лишения свободы. После освобождения не реабилитирована [14].

По архивным документам известны эпизоды, которые можно отнести к добровольному сотрудничеству с немецкой оккупационной администрацией. По Воловскому району (находившемуся в годы войны в составе Курской области), который был оккупирован дважды (с 26 ноября по 8 декабря 1941 г. и со 2 июля 1942 г. по 27 января 1943 г.) [4, с. 5], сотрудниками НКВД в 1944 г. в ходе проверок были зафиксированы случаи таких преступлений. Так, Т. Ф. Ш-ва (после освобождения района работница Воловской МТС) во

время второй оккупации района осталась на занятой территории и работала в немецкой столовой в Воловском сельсовете, в которой также числилась и А. А. Ш-кая (после оккупации работница столовой райпотребсоюза) [15, л. 14–15]. Заведующая семенной лабораторией в с. Волово А. В. С-ва в период временной оккупации в 1942 г. прислуживала на кухне у немецкого офицера и даже получала материальное вознаграждение за свой «труд» [15, л. 18]. В докладных сообщениях сотрудников госбезопасности также отмечено, что эти женщины проводили вечера с немцами и имели интимные отношения с ними, скорее всего, ненасильственного характера.

П. Н. В-в и его дочь В. П. В-ва в период временного занятия гитлеровцами Воловского сельсовета работали у оккупантов на следующих должностях: отец был старостой в с. Волово в течение 20 дней, а дочь работала медсестрой в военном госпитале. После освобождения района П. Н. В-в стал завхозом колхоза «Искра», а его дочь – учительницей в Липовской начальной школе [15, л. 16].

Перечисленные случаи объединяет то, что все виновные в связях с противником смогли устроиться на работу после его изгнания. Однако, после обнаружения данных фактов, все были уволены со своих рабочих мест.

Рассмотрим эпизоды проявления коллаборационизма в Липецкой области. За время двух оккупаций преступления такого вида совершали как местные граждане, так и прибывшие с немецкими войсками из других регионов. Также имеются и факты участия жителей области в злодеяниях на территории других субъектов.

Уроженец с. Грешное Волынского района Орловской области (сегодня Становлянский район Липецкой области) П. Т. Ан-н, получив ранение на фронте, прибыл на лечение в с. Гастево Орловской области. С приходом немецких войск выдал председателя местного колхоза Артемова, который был расстрелян гитлеровцами. Свою вину признал полностью. Мотивом такого поступка послужила месть за нанесенные ранее обиды. По приговору получил высшую меру наказания. У него осталось шестеро детей [2, с. 288–289].

М. М. Б-Г., проживавшая в д. Барановка Елецкого района (сегодня в составе Измалковского района), во время оккупации г. Ефремов Тульской области выдавала гитлеровцам партийный актив города. Так, немцы повесили в начале декабря 1941 г. коммуниста И. А. Чуприна. 7 декабря Б.-Г. указала на члена ВКП (б) Г. Р. Лаухина, которому удалось избежать ареста (его предупредили другие граждане). Женщину арестовали 2 января 1942 г., вместе с ней сотрудники НКВД задержали и двух ее братьев. Виновной себя не признала. По приговору получила высшую меру наказания. У женщины осталось двое малолетних детей [2, с. 297–298].

Д.Ф. Ш-ких состоял в партийной организации Долгоруковской МТС. В годы Первой мировой войны пробыл в немецком плену 6 лет. При приближении фронта к селу Долгоруково отказался от эвакуации, с приходом немцев стал сотрудничать с ними. Выдал шестерых бойцов и одного

лейтенанта (их судьба неизвестна), а также вовлек на службу противнику Ерма. После освобождения района вернулся и в течение трех месяцев продолжил работать на прежнем месте, пока не был разоблачен сотрудниками НКВД. Дальнейшая судьба в документе не указана.

П. К-н, согласно материалам расследования, попал в плен осенью 1941 г., был завербован и отправлен в советский тыл с целью ведения антисоветской пропагандистской работы на территории Долгоруковского района. Ему удалось привлечь брата и его сослуживца, К. Ф. К-ва, дезертировавших из рядов РККА. Позднее к ним примкнул и отец К-на, который обеспечивал им укрытие. Группа занималась распространением немецких агитационных листовок. Все участники были выявлены и арестованы сотрудниками НКВД. Дальнейшая судьба в документе не указана [6, л. 45–45об].

Гражданка А. А. Ш-ко в годы войны проживала на территории Воловского района. По результатам проверки установлено, что во время оккупации летом 1942 г. она помогала солдатам вермахта выявлять военнослужащих РККА, попавших в окружение в районе Предтечевского сельсовета. Рекомендовано было уволить гражданку Ш-ко с занимаемой должности агента районного уполномочения наркомзага. Дальнейшая ее судьба в документе не указана [15, л. 17].

Гражданин Н. А. С-в родился в с. Захаровка Воловского района, затем проживал и работал на Донбассе. В 1942 г. совместно с частями вермахта вернулся в район в с. Новопавловку Липовского сельсовета. Во время оккупации активно помогал немцам продуктами питания и брался за любую работу. Также трудоустроил свою дочь в комендатуру с. Захаровка. Дальнейшая его судьба в документе не указана [16, л. 1].

Следующий фигурант списка о коллаборантах – гражданин П. В. С-в. Он родился в с. Чесночное Воловского района, имел две судимости по статьям за воровство и бандитизм, находился в рядах РККА, дезертировал и вернулся в родное село во время второй оккупации района. Добровольно поступил на службу в немецкую комендатуру на должность полицейского, в которой пробыл весь период оккупации. За это время С-в отметился в грабежах местного населения, неоднократно избивал жителей села, в том числе и женщин, угрожал расправой, составлял списки граждан для отправки в Германию. По его доносу были расстреляны два военнопленных красноармейца. Совместно с подразделениями вермахта участвовал в контрпартизанских операциях. После освобождения села от немецко-фашистских захватчиков скрывался от преследования до сентября 1943 г., постоянно грабя и терроризируя местное население, пока не был арестован. Содержался под стражей в тюрьме. Дальнейшая его судьба в документе не отображена [15, л. 5–5об]. Немецко-фашистские захватчики часто использовали уголовные элементы при организации оккупационных структур, поскольку зеки охотно шли на службу. По воспоминаниям И. Ильиных, партизана 4-й Клетнянской бригады

(действовала в Орловской области), «...С оккупацией из всех щелей вылезли подонки, уголовные преступники. С их помощью фашисты стали насаждать огнем и мечом в районе «новые порядки» [13, с. 44].

Отметим, что граждане, уличенные в подобных преступных деяниях, как правило, были осуждены по пунктам 1а и 1б статьи 58 УК РСФСР. 19 апреля 1943 г. [2, с. 21]. Президиумом Верховного Совета СССР был издан указ № 39, который предусматривал ужесточение наказания для лиц, участвовавших в насилии над мирным населением, в том числе и для коллаборационистов и пособников. Согласно этому документу процессы по таким эпизодам должны были происходить публично, делопроизводством занимались военно-полевые суды. Высшая мера наказания – смертная казнь, которая осуществлялась через повешение (пособники оккупантов получали от 15 до 20 лет каторжных работ) [17]. Одними из первых по данному указу были осуждены советские граждане, обвиняемые по «краснодарскому» делу от 14–17 июля 1943 г.

Таким образом, мы рассмотрели основные виды преступлений, совершенных гражданами на оккупированных немецкими войсками территориях и в тыловых районах Липецкой области. На основании приведенных данных можно выделить две группы таких злодеяний:

1. Без прямого участия немецких войск, но обусловленные военным положением. Среди таких можно выделить: халатное отношение к своим обязанностям и злоупотребление служебными полномочиями должностных лиц государственных и партийных структур, проведение антисоветской агитации в публичных местах, дезертирство и нарушение присяги лицами, определенными в партизанские отряды, незаконное хранение и использование огнестрельного оружия.

2. Преступления, совершенные непосредственно во взаимодействии с немецко-фашистскими захватчиками или по их приказанию. Мотивы, подталкивающие граждан к подобным деяниям, могли быть различными, начиная от принуждения со стороны оккупантов и заканчивая добровольным выполнением поручений или принятие самостоятельных решений, направленных на причинение ущерба. Большинство лиц занимали различные должности в хозяйственных органах и комендатурах, но имелись и примеры службы в полиции.

Во времена тяжелых испытаний каждый человек делает свой нравственный выбор. Часто принятие позиции той или иной стороны зависит от множества факторов, главным из которых был вопрос жизни и смерти. Граждане, добровольно вставшие на сторону противника во время Великой Отечественной войны, обрекали себя и свои семьи на оправданные репрессии и преследования со стороны государства. В такую же ситуацию часто попадали и лица, вынужденные пойти на сотрудничество с врагом, и не имевшие возможности для сопротивления. Они также подвергались общественному незаслуженному порицанию со стороны земляков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романько, О.В. Коллаборационизм советских граждан в период Второй мировой войны: к вопросу об эволюции взглядов на проблему / О. В. Романько // Нам этот мир завещано беречь: проблемы сохранения исторической памяти о событиях и героях первого периода Великой Отечественной войны: Сборник научных статей. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. – С. 231–233.
2. Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма: [Сборник] / ред.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. – Москва: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. – 464 с.
3. Государственный архив Новейшей истории Липецкой области (ГАНИ ЛО). Ф.28. Оп.1. Д. 368.
4. В огне и стуже оккупации: Липецкая область в годы Великой Отечественной войны: документы и библиография / ред. М. В. Виноградова. – Липецк: Липец. ОУНБ, 2015. – 108 с.
5. ГАНИ ЛО. Ф.59. Оп.1. Д. 324.
6. ГАНИ ЛО. Ф.28. Оп.1. Д. 408.
7. Сражающаяся партия. ВКП (б) в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kprf32.com/news/srazhayushchayasya-partiya-vkpb-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny.html>. – Дата доступа : 4.04.2022.
8. Журавлев, Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 гг.): на материалах Юга России / Е. И. Журавлев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16. С. 68–69.
9. Иван Шапорев: я – командир тяжелого танка КВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/shaporev-ivan-antonovich/> – Дата доступа : 10.04.2022.
10. ГАНИ ЛО. Ф.35. Оп.2. Д. 160.
11. Березнев, А. Т. Партизаны и подпольщики Липецкого края / А. Т. Березнев. – Липецк, 2015. – 216 с.
12. Кириллова Елизавета Петровна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1005083265/ – Дата доступа : 9.04.2022.
13. Жуков, Д. А., Ковтун И. И. Полицаи: истории, судьбы и преступления / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. Изд. 3-е, испр. И доп. – Москва : Изд-во Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2016. – 320 с.
14. После 8 лет лагерей меня называли полицайкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorod48.ru/news/153556/> – Дата доступа : 15.03.2022.
15. ГАНИ ЛО. Ф.13. Оп.1. Д. 177.
16. ГАНИ ЛО. Ф.13. Оп.1. Д. 161.

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-no-39-o-merakh-nakazaniya-dlya-nemecko-fashistskikh-zlodееv> – Дата доступа : 20.02.2022.